

Все присутствующие изменились в лице после слов Тан Фана, однако министр Чжан лишь улыбнулся и мягко спросил:

— Коли так, каковы твои предложения? Мы тебя внимательно слушаем.

«Чиновники Министерства Наказаний должны выносить решения согласно закону, – отвечал Тан Фан. – Однако, пролистав документы за прошлый год, я обнаружил, что чиновники провинции Хэнань законов не знают. Боюсь, они «Закона Великой Мин» даже в руках не держали. Приговоры выносили согласно личным предпочтениям. И длилось это достаточно длительное время. Все внутренние документы отдела находятся в беспорядке.

Возьмем, к примеру, дело, переданное в прошлом году префектурой Кайфэн. Двое братьев спорили по поводу наследства и, чтобы выиграть дело, раскрыли множество тайн друг друга, в том числе и убийство. Трудно понять, что из сказанного было правдой, а что ложью. Префектура Кайфэн нашла это дело слишком сложным, так что передала его в Министерство Наказаний. Оно попало в руки заместителя Инь».

После сих слов сердце Инь Юаньхуа забилося как бешенное. Он смутно догадывался о том, что Тан Фан собирается сказать дальше, но предпринимать что-то было уже слишком поздно. Ничего не оставалось, кроме как позволить ему говорить.

— В конечном итоге, – как ни в чем не бывало продолжал Тан Фан, – заместитель Инь приговорил обоих к порке, а затем призвал их, как родных братьев, быть внимательнее друг к другу. И якобы, получив приговор из Министерства Наказаний, префектура Кайфэн выполнила все в соответствии с ним, и дело было быстро улажено.

— Раз ты упомянул о нем, значит, позже возникла какая-то проблема? – пригладив бороду, кивнул министр Чжан.

«Министр очень мудр, – вежливо сложил руки Тан Фан. – Так и было. Просмотрев документы, я обнаружил, что среди секретов, которые братья раскрыли друг о друге, было обвинение в убийстве. Правда это или ложь, неизвестно, однако заместитель Инь не призвал префектуру Кайфэн провести расследование, а проигнорировал его. Это во-первых.

Во-вторых, все вопросы, связанные с наследством, давно прямо оговорены в «Заоне Великой Мин», и существует множество прецедентов, которым можно следовать. Судить, основываясь на личных предпочтениях, можно лишь в том случае, если в Заоне нет соответствующих положений. Однако заместитель Инь, кажется, «Заона Великой Мин» даже в руках не держал. Он проигнорировал его, вынес поспешное решение и подал дурной пример подчиненным. Если так будет продолжаться, местные чиновники перестанут уважать закон и начнут, как заместитель Инь, творить все, что вздумается».

Инь Юаньхуа больше не мог сидеть сложа руки. Он резко поднялся:

— Ты лжец! Это я творю все, что вздумается?! Дело о двух братьях длилось больше десяти лет, и многое из того, что они говорили, проверить уже не представлялось возможным! Как я должен был понять, правда это или ложь? Я призвал к их чувствам, чтобы братья договорились между собой и решили это дело мирно, без вмешательства властей. Что я сделал не так?!

— Проблема в том, что они раскрыли черные секреты друг друга, – равнодушно проговорил Тан Фан. – Я прочитал документы. Свидетелями тому выступали их жены и дети, а также другие братья. В «Законе Великой Мин» говорится, что брат не может свидетельствовать на брата, жена на мужа, а рабы на господ, так что все эти заявления можно считать недействительными. Однако, вынося вердикт, заместитель Инь не указал на это и не осудил подобное. Кроме того, если спор о наследстве не был решен в течение длительного времени, решение по делу должно быть вынесено в соответствии с законом, а не в рамках диалога двух сторон. Я отправил кое-кого проверить, и обнаружил, что после вынесенного решения вражда между братьями не только не утихла, но и усилилась. Теперь весь город знает об этом. Осмелюсь спросить заместителя Иня, ты сказал, что они должны решить это дело мирно. Разве это мир?

Инь Юаньхуа на мгновение забыл, как говорить. Однако, внезапно вспомнив кое о чем, он тотчас спросил:

— Ты в Министерстве Наказаний всего пять дней. Как ты мог узнать о том, как обстоят дела в Кайфэне, за столь короткий промежуток времени? Что за вздор ты сейчас несешь?

— Ты забыл? – покачал головой Тан Фан. – У Императорской Стражи повсюду представительства.

Инь Юаньхуа дара речи лишился. Этот парень действительно велел Императорской Страже проверить, как обстоят дела? Вопрос в том, почему Императорская Стража его слушалась?!

Он начал понимать, что Тан Фан не так прост, как казалось.

Прежде, чем он успел опомниться, Тан Фан продолжил наступление:

— Император-основатель как-то сказал: власть должна стремиться приносить пользу миру ради будущих поколений, не стоит быть беспечным и жить лишь настоящим. Становление политической системы страны – дело далеко не маленькое. Правильное устройство – благо для всей страны, а худое ведет к бесконечным бедствиям. Мы также не можем вести себя беспечно. Эти слова должны заставить нас задуматься. Хоть прошло сто лет, мы обязаны сохранить их в сердцах и не забывать!

— Я знаю, – торжественно продолжал он, – что заместитель Инь поступил так из лучших побуждений. Он надеялся, что братья смогут отложить в сторону вражду и вспомнят о братской любви, чтобы не довести дело до смертоубийства. Однако Император-основатель создал «Закон Великой Мин» в надежде, что мы будем следовать законам в таких делах, как это, о наследстве, которое подрывает общественный порядок. Поскольку две стороны не пришли к компромиссу после десяти лет споров, они, должно быть, не те, кто чтят братскую любовь, так что повлиять на них, воззвав к их чувствам, не выйдет. Необходимо неукоснительно следовать закону, иначе местные власти, заразившись дурным примером, перестанут обращать внимание на «Закон Великой Мин» и примутся выносить приговоры, основываясь на собственных чувствах и эмоциях, и творить все, что вздумается. Разве не об этом говорил Император-основатель? Худое устройство ведет к бесконечным бедствиям. Заместитель Инь, твои благие намерения привели к нехорошим последствиям!

Инь Юаньхуа был в шоке от того, как тот все ловко вывернул. Его рот то открывался, то закрывался, а лицо позеленело.

Если бы он рассердился, дал выход эмоциям, вышло бы слишком некрасиво, по большей части потому, что здесь присутствовали его начальство и коллеги. Он был бессилен, боясь причинить вред самому себе. Он хотел бы опровергнуть все вышесказанное, но не мог подобрать ни одного убедительного аргумента.

Особенно его злило то, что его оппонент обратился к словам Императора-основателя. И хоть разум подсказывал, что Тан Фан сделал из мухи слона (Что за «худое устройство»?!. Это же обычное дело о наследстве! С каких пор оно стало «худым устройством»?!), он не мог никак возразить Тан Фану. Не мог же он заявить, что Император-основатель ошибался! Или что дело не так серьезно, как тот говорит!

Если бы он сказал так, Тан Фан обязательно бы вновь процитировал Императора-основателя и опроверг его слова.

Однако то, что ученик проиграл спор, не означало, что учитель будет сидеть сложа руки и спокойно смотреть на все это.

— Старший чиновник Тан, – взял слово помощник министра Лян, – ты поднимаешь шум из ничего. «Закон Великой Мин» изначально существовал для просвещения населения. Если бы мы могли использовать для этого чувства и разум, нам бы не пришлось прибегать к законам. Хотя я и принадлежу Министерству Наказаний, как императорский чиновник, я несу ответственность за просвещение народа. Сначала следует руководствоваться эмоциями и рассудком, а если не послушают, то прибегнуть к закону. Поэтому этот чиновник считает, что в вынесенном заместителем Инем приговоре нет ничего предосудительного.

Вышестоящий всегда прав.

При виде этой сцены у каждого сердце забилося чаще, хоть выражения лиц и остались торжественными и важными.

Учитель не мог смотреть на то, как его ученика обижают, и пришел ему на помощь. Что же теперь будет делать Тан Фан?

Он собирается спорить с помощником министра?

Тот был его начальником, так что, что бы Тан Фан ни говорил, останется в дураках.

Старший чиновник Тан был новичком. Не желая остаться изолированным и подавляемым, он решил перейти в наступление на Инь Юаньхуа во время собрания, чем задел его покровителя. Помощник министра Лян вступился за своего ученика.

Не пора ли старшему чиновнику Тану признать свое поражение?

Однако это означало бы, что он боится Инь Юаньхуа. После этого его слова в собственном отделе не будут иметь никакого веса.

Думая так, все сидели выпрямившись, в то время как их глаза бегали от одного к другому. Добрые люди вроде старшего чиновника Лу беспокоились о Тан Фане, тогда как остальные взирали на происходящее со злорадством.

Однако в этот момент слово взял тот, от кого этого никто не ожидал.

— Не стоит говорить так. Этот чиновник тоже давно полагает, что многие в Министерстве занимают свой пост незаслуженно, куча совершенно не амбициозных служащих слоняется без дела. Будучи чиновниками Министерства Наказаний, они Закон даже не открывали. Серьезные преступления расследуют как придется, тогда как из мелких раздувают громкие дела. Если об этом узнают, нас на смех поднимут, решив, что в Министерстве Наказаний все такие.

Говорившим был министр Чжан Ин. Со своего назначения в Министерство Наказаний он мало вмешивался в его дела. Во всем, что касается политики, он следовал за первым министром Вань Анем и придерживался принципа «ничего не делай – избежишь неприятностей, а будешь высовываться – проблем не оберешься». В Министерстве Чжан Ин лишь чай гонял. Подчиненные уже давно привыкли к этому и знали, что по факту за дела Министерства отвечает помощник министра Лян.

На встречах вроде сегодняшней министр Чжан должен был просто сидеть и наблюдать за происходящим, как божественная статуя.

Однако господин министр, который крайне редко высказывал собственное мнение, внезапно решил выступить в защиту какого-то старшего магистрата?!

Сегодня что, солнце встало с запада?

Все ошарашено смотрели на Чжан Ина. Тот пригладил бороду и продолжил:

— Однако этот чиновник также считает, что заместитель Инь изо всех сил старался, делая свою работу. В будущем ему следует быть более осторожным в подобных вопросах. Министерство Наказаний отвечает за уголовные дела всей Поднебесной. Каждое наше слово и дело имеют большой вес. Прежде чем выносить решения, необходимо подумать дважды!

И хотя выглядело это все, как попытка сгладить ситуацию, его намерение помочь Тан Фану было очевидно. Помощник министра Лян, видно, не ожидавший от Чжан Ина такого выпада, скривился в лице и неловко улыбнулся:

— Министр говорит верно. Впредь прежде, чем что-либо предпринять, мы будем рассматривать дела со всех сторон, чтобы не допустить ошибок.

Выслушав поучения, Инь Юаньхуа дрожа поднялся:

— Я буду следовать наказу министра.

Чжан Ин сказал все это сегодня не только для того, чтобы помочь Тан Фану.

Если его мало волновали дела Министерства, это не означало, что он о них совершенно не думал. Однако из-за этого его подчиненные решили, что он не более, чем глиняный болванчик. Особенно все усугубилось после того, как прошел слух, что его скоро переведут в Кабинет Министров. Лян Вэньхуа тотчас воспользовался этим, чтобы перетянуть на себя одеяло, из-за чего Чжан Ин чувствовал себя несколько неуютно. «Я пока что твой министр, – думал он. – Ты меня совсем ни во что не ставишь?»

Вдобавок ко всему, он был сторонником Вань Аня, а Вань Ань был связан с Благородной наложницей Вань. Чжан Ин слышал, что Тан Фан находился в неплохих отношениях с Ван Джи. А еще он смутно догадывался, что Тан Фана перевели в Министерство Наказаний по воле самого Императора.

Это просто невероятно!

Пост чиновника обязывал иметь широкое мышление. Без гибкого ума нет будущего. Зная все это, Чжан Ин взглянул на Тан Фана по-другому.

Остальные в Министерстве Наказаний полагали, что со стороны Тан Фана было бы неразумно обижать помощника министра Ляна, однако Чжан Ин считал иначе. Ему казалось, что Тан Фан был просто уверен в своей поддержке. Так уж вышло, что Лян Вэньхуа был и для него бельмом на глазу, так что он решил помочь Тан Фану.

Конечно, остальные не догадывались об этом. У них сложилось впечатление, что, раз уж даже сам министр Чжан вступился за Тан Фана, не было ничего удивительного в том, что тот осмелился противостоять помощнику министра Ляну. Оказывается, у него был весьма могущественный покровитель.

Теперь все взглянули на Тан Фана другими глазами.

Но помощник министра Лян не мог читать мыслей. Он понятия не имел, какая муха укусила Чжан Ина, поскольку, насколько ему было известно, Тан Фан и Чжан Ин никогда не пересекались раньше.

Он бы ни за что не подумал, что недовольство Чжан Ина было вызвано регулярной демонстрацией силы с его стороны. И теперь он просто воспользовался шансом поставить его на место.

Когда собрание закончилось, все вышли с него с совершенно разными мыслями.

Как только министр и его помощники удалились, у остальных не осталось больше никаких сомнений. Они обратились к Тан Фану с такой сердечностью, будто это был совершенно другой человек.

Тан Фан же воспользовался этой возможностью, чтобы укрепить свои позиции. Он расплылся в своей обычной доброжелательной улыбке, выражающей его готовность поговорить с любым желающим.

До произошедшего сегодня эта улыбка казалась всем демонстрацией его слабости и беспомощности, однако теперь они полагали, что это признак его уравновешенности, последовательности и самоуважения.

Очевидно, не только женские сердца изменчивы, но и мужские.

Заметив это, Инь Юаньхуа пришел в ярость и ощутил собственное бессилие. Все, что он мог, это поспешно удалиться, чтобы избежать насмешек.

Дай Хунмин с тревогой бродил по двору, воображая, каким унижениям мог подвергнуться

старший чиновник Тан, когда заметил Инь Юаньхуа, сердито выходящего из ворот с мрачным лицом. Немного погодя из них показалась и фигура Тан Фана.

Он был окружен главами отделов и их заместителями. Они болтали и смеялись – выглядели как хорошие друзья, которые не виделись многие годы.

Дай Хунмин протер глаза. Что за чертовщина?

Ему кажется, или с неба пошел красный дождь?

Между теми, кто работает под одной крышей, постоянно пересекаясь друг с другом, не может быть никаких секретов. Вскоре слухи о том, как Тан Фан раскритиковал Инь Юаньхуа и противостоял помощнику министра Ляну, распространились по всему Министерству.

И чем больше они распространялись, тем большим количеством домыслов обрастали. В конце концов появились слухи о том, что «Тан Фан ударил кулаком по столу и упрекнул помощника министра Ляна. Тот рассердился и выругался, и тогда министр Чжан влепил помощнику Ляну пощечину». Кто-то даже поговаривал о том, что Тан Фан – незаконнорожденный сын министра Чжана. Подобные абсурдные слухи, не имеющие ни капли рационального зерна, пользовались большой популярностью и стали широко распространенной легендой, что гуляла по Министерству Наказаний, и которую любили обсудить за чашечкой чая или во время обеденного перерыва.

Тан Фан на самом деле не имел к министру Чжану никакого отношения, да и с Ван Джи он контактировал лишь из-за необходимости совместного расследования. Контакт этот был случайным, и не означал, что он как-то связан с остальными сторонниками Благородной наложницы Вань.

Однако реакция Чжан Ина полностью соответствовала его ожиданиям.

А если быть точным, он давно все рассчитал.

Переместимся в тот день, когда он только вошел в Министерство Наказаний.

Тан Фан уже тогда знал, почему Инь Юаньхуа создает ему неприятности, и, конечно же, прекрасно понимал, что, послав ему травянистый аир, он не только приведет в ярость Инь Юаньхуа, но и ужасно оскорбит помощника министра Ляна.

Так что, когда Суй Джоу посоветовал ему не быть слишком самоуверенным, Тан Фан уже составил план действий.

— Все готово, я сделал первый шаг, – проговорил Тан Фан с улыбкой. – Не волнуйся, отправляя Инь Юаньхуа лекарства, я уже знал, что окажусь в изоляции.

Суй Джоу понимал, что Тан Фан не из тех, кто действует импульсивно и попусту тратит свои силы, поэтому спросил:

— Что планируешь делать?

Тан Фан похлопал по стопке бумаг из досье Чжан Ина, что лежали на столе. Хотя он и не был министром Министерства Назначений, кто мешал ему иметь друга в Императорской Страже? Императорская Стража отвечала за надзор за чиновниками, так что обладала теми же ресурсами, что и Министерство Назначений, и даже больше.

А это лучше, чем ничего. Он хотел закрепиться в Министерстве Наказаний, а на войне все средства хороши.

— Продemonстрировать свою мощь! – воскликнул Тан Фан. – Всего лишь за один день в Министерстве Наказаний я обнаружил множество проблем. Однако планы, что я хочу воплотить, не могут быть выполнены в одиночку. Им кажется, что я чужой человек со стороны, у которого нет поддержки в Министерстве, меня легко запугать и никто не станет меня слушать. Именно поэтому, чтобы закрепиться в нем, мне следует продемонстрировать свою мощь.

Суй Джоу был достаточно умен, чтобы понять его намерения:

— Так значит, подвернувшийся под руку Инь Юаньхуа – это отличная возможность?

— Верно, – на кончиках губ Тан Фана заиграла лукавая улыбка. – Не было бы его, нашел бы другого. Но коль уж он сам напросился, как я мог отказать? Чжан Ин уже давно недоволен возвышением Лян Вэньхуа, поэтому, даже если не вмешается, уж точно не встанет на его сторону. А если мы поспорим на публике, он, вероятнее всего, поможет мне, поскольку, по его мнению, я приспешник Благородной наложницы Вань.

— Но это не так, – ответил Суй Джоу.

— Конечно не так, – покачал головой Тан Фан. – Благородные мужи не должны быть предвзяты.

— Но разве из-за этого, – нахмурился Суй Джоу, – у остальных не сложится о тебе неверное впечатление?

— Нет, не волнуйся, – улыбнулся Тан Фан. – Разве я когда-нибудь выражал преданность Благородной наложнице Вань? Расследование свело нас совершенно случайно. К тому же в деле с Восточным дворцом я помог снять подозрения не только с Благородной наложницы Вань, но и с Наследного принца, – сказав это, он вздохнул: – На самом деле, если бы я мог не использовать этот метод, я бы не использовал. Как было бы замечательно, если бы каждый просто делал свою работу! Зачем создавать столько проблем? В префектуре Шунтянь я был лишь младшим магистратом, за меня все решало начальство, и я просто делал то, что должен. Мне не нужно было беспокоиться о стольких вещах!

— В официальных кругах никогда не будет покоя, – отвечал Суй Джоу. – Теперь, когда ты стал старшим чиновником, тебе придется очистить пространство прежде, чем делать то, что хочешь.

— Теми, кто дал мне жизнь, были мои родители, – радостно улыбнулся Тан Фан, – а тем, кто понимает меня, стал ты, Гуанчуань!

Все это объясняет то, что произошло на собрании. Конечно, Тан Фан бы не стал импульсивно и бездумно провоцировать помощника министра Ляна, иначе бы уже давно вылетел из Министерства. Сегодняшний результат превзошел все ожидания служащих, но для Тан Фана он не стал неожиданностью: тот все тщательно спланировал.

В небольшом отделе провинции Хэнань было мало сотрудников, впрочем, это не помешало им разбиться на два лагеря. Тан Фан, совершенно чужой человек, необычайно быстро утвердил свой авторитет и победил, проложив себе путь сам!

После выступления Чжан Ина помощник министра Лян временно сложил оружие. Лишившись поддержки своего покровителя, Инь Юаньхуа больше не осмеливался выступить против Тан Фана.

Пользуясь случаем, Тан Фан быстренько навел порядок в отделе провинции Хэнань как внутри, так и снаружи.

Он строго запретил откладывать дела на потом, а также призвал поскорее рассмотреть неурегулированные случаи, тянущиеся с прошлого полугодия. Крупные дела отправлялись на рассмотрение в Верховный Суд, тогда как по небольшим Министерство Наказаний само выносило решения и направляло обратно к органам местной власти.

Тан Фан забрал те два дела, что он читал ранее и, обнаружив, что в вынесенных приговорах есть ошибки, направил их на пересмотр. Кроме того, он велел Дай Хунмину нанять еще двух служащих и отыскать все дела за последние годы, по которым нельзя было вынести решения, полагаясь лишь на «Закон Великой Мин».

С таким строгим и решительным начальником отлынивать больше никто не решался. Атмосфера в отделе провинции Хэнань вмиг преобразилась. Дай Хунмин с остальными полагали, что Тан Фан был протеже министра Чжана, а потому перестали в нем сомневаться и слушались беспрекословно, не подозревая, что Тан Фан всех надул, прикрываясь именем несуществующего покровителя.

Что касается званого ужина Тан Фана, то теперь ответы глав других отделов были прямо противоположны предыдущим. Ранее откликнулась лишь пара человек, тогда как теперь все с радостью согласилось. Старшие чиновники пришли в особенный восторг, узнав, что Тан Фан приглашает их в павильон Сяньюнь...

Никто не знал, что Западная Ограда имеет долю в павильоне Сяньюнь, а Тан Фан просто пользуется своими связями с Ван Джи. Все слышали лишь о том, что те, кто могли здесь устраивать обеды, обладали либо широкими связями, либо могущественными покровителями.

И поскольку за новым старшим чиновником Таном явно стоял кто-то влиятельный, разве кто-нибудь осмелился бы проигнорировать его или создать проблемы?

Единственным, кто страдал, был Инь Юаньхуа, который не имел к ним никакого отношения.

Тан Фан не стал следовать заведенным порядкам Министерства и не позвал на ужин своего заместителя, вместо него пригласив Дай Хунмина и остальных, ясно давая понять:

«Я, Тан Фан, не воспринимаю Инь Юаньхуа всерьез и не боюсь обидеть министра Ляна.

Дай Хунмин и остальные – мои люди, так что будут обедать со мной».

Правдами и неправдами Тан Фан использовал все возможные средства, чтобы победить в официальных кругах. Месяц спустя он не только упрочил свое положение в отделе провинции Хэнань, но и показал себя человеком, который держит свое слово. Усвоив урок Инь Юаньхуа, никто больше не осмеливался воспринимать его слова, как пустой звук.

Однако Тан Фан не слепо подавлял остальных своей властью и авторитетом. С помощью Суй Джоу он прочесал досье на каждого служащего отдела. У одного была семидесятилетняя старушка-мать. Каждый раз, заходя в аптеку за кремом из осенней груши для А Дун, он покупал немного полыни, дабы тот служащий мог растереть ею ноги своей матери. У другого болел член семьи, поэтому Тан Фан позволял ему уходить с работы пораньше, чтобы ухаживать за ним.

Но к тем, кто отлынивал от своих обязанностей, вроде того служащего, что лебезил перед Инь Юаньхуа, Тан Фан милосердия не проявлял. Полагаясь на поддержку заместителя, тот служащий смотрел на Дай Хунмина и остальных свысока. Даже после судьбоносного собрания, он не осознал сложившейся ситуации и выполнял поставленные Тан Фаном задачи спустя рукава, после чего был лишен должностных обязанностей и выпнута выполнять мелкие поручения.

Таким образом, когда Тан Фан продемонстрировал и силу, и милость, Дай Хунмин с остальными исполнились к нему благодарности и работали не покладая рук. За короткое время отдел провинции Хэнань преобразился до неузнаваемости.

И теперь уже Инь Юаньхуа стал тем, кого игнорировали.

Он, конечно, смирился с текущим положением дел. Тан Фан не собирался доставлять ему неприятности, поскольку он пришел сюда для того, чтобы усердно работать, а не интриги плести. Однако Инь Юаньхуа был до сих пор ужасно обижен за то, что произошло в тот день. Он боялся создавать проблемы, однако обязанности выполнять не спешил. Другими словами, устроил пассивный саботаж.

Однако с Инь Юаньхуа Тан Фан ничего не мог сделать.

Хоть он и отвечал за отдел провинции Хэнань, его заместитель не подчинялся ему напрямую, а бежать с жалобой к министру Чжану он не хотел: в те времена даже министры не выполняли своих обязанностей. Нельзя заставить других делать то, что не соответствует их ожиданиям и стандартам. Более того, в прошлый раз Инь Юаньхуа потерпел поражение по ряду удачно сложившихся обстоятельств. И повторить нечто подобное во второй раз возможно бы не вышло. Цель Тан Фана, заключающаяся в демонстрации мощи, была достигнута, и он не хотел показаться начальству «агрессивным малым».

Так и получилось, что Инь Юаньхуа не мог справиться с Тан Фаном, и Тан Фан не мог справиться с Инь Юаньхуа. И это противостояние могло длиться еще очень долго, если бы не один случай.

Полгода в Министерстве Наказаний пролетели как миг. За исключением небольшого казуса в самом начале, последующие слова и поступки Тан Фана были вполне прагматичными и сдержанными.

Согласно данному слову, он взял под контроль весь отдел, а также наладил хорошие отношения с главами других отделов. Он не считал себя особенным и не заставлял подчиненных выполнять всю работу за него. Так Тан Фан быстро влился в Министерство Наказаний и чувствовал себя здесь как рыба в воде. Больше никто не считал старшего чиновника Тана «чужаком», поскольку он прекрасно ладил со своими коллегами.

Наконец он мог вздохнуть спокойно.

Эти полгода он уходил на работу рано поутру, а возвращался поздно вечером, почти все время проводя в Министерстве. Он пересматривал старые дела и выявлял те, по которым были вынесены некорректные приговоры или для которых не было предусмотрено специальных положений в «Законе Великой Мин», после чего на их основе составлял «Положения о вынесении приговоров», как дополнение к «Закону Великой Мин», на которые чиновники могли опираться при вынесении приговоров.

Это был чрезвычайно масштабный и сложный проект. За эти полгода была выполнена лишь одна двенадцатая его часть.

То, что он не мог завершить его так скоро, не сильно расстраивало Тан Фана: все равно он еще долго не сможет дать ему ходу. Однако он не отчаивался и верил, что когда-нибудь его труды обязательно окупятся.

Глазом моргнуть не успели, как наступила весна шестнадцатого года правления императора Чэнхуа. А Дун было уже десять лет. Все это время она училась у Суй Джоу боевым искусствам и добилась больших успехов. Ростом она вытянулась и была уже не столь пухла, как раньше. У нее начала прорисовываться фигурка настоящей маленькой барышни, однако характер остался прежним. Она была все так же беззаботна и беспечна, как и всегда, но благодаря боевым навыкам стала чуточку более храброй.

Чтобы не дать ей превратиться в заядлого мастера боевых искусств, которого никто не возьмет в жены в будущем, Тан Фан не забывал заставлять ее читать в свободное время. Как оказалось, А Дун к этому была совершенно не предрасположена. Она не могла запомнить ни одного аналекта Конфуция. К счастью, девочка хотя бы научилась писать, так что в семье Тан наконец-то не осталось ни одного безграмотного – Тан Фан утешал себя этой мыслью.

Все это время Суй Джоу был занят как никогда. Под его руководством Северный Двор перестал быть малоэффективной и неповоротливой организацией, что раньше. Однако с дела о южной банде Секта Белого Лотоса полностью замела свои следы.

Суй Джоу с Тан Фаном уже обсуждали этот вопрос. Они предположили, что Секта Белого Лотоса, вероятно, извлекла урок из случая южной банды и больше так легко не покажется. Скорее всего, они не планировали возвращаться в столицу еще некоторое время. В противном случае Императорская Стража и обе Ограды, верные псы Сына Неба, тотчас бы их отыскали, как бы Секта ни старалась спрятаться.

Все это затрудняло поиски. У Императорской Стражи было много других дел, они не могли

тратить все свои силы на Секту. Все, что оставалось, это глядеть в оба.

В тот день у Тан Фана был выходной, половину которого он потратил, пуская с А Дун слюни над тарелкой хрустального мяса в ожидании Суй Джоу.

Тот ушел куда-то по делам и до сих пор не вернулся.

Сие хрустальное мясо готовилось три дня. Из-за уникального рецепта делать его было очень долго и сложно. Суй Джоу раньше не умел его готовить, поэтому попросил свою бабушку Чжоу научить его.

Блюдо это было гранатового цвета, кристально прозрачное и просто таяло во рту. Сочное, но не жирное, особенное на вкус. Тан Фан с А Дун его еще не пробовали, но по одному виду могли определить, что оно, должно быть, ужасно вкусное.

Заметив, какими жадными глазами А Дун взирает на него, господин Тан с возмущением проговорил:

— Если тебя увидит кто-нибудь, решит, что тебя тут не кормят и ты голодаешь. Никому не говори, что твоя фамилия Тан. Стыда не оберемся!

— Братец, – надулась А Дун, – мне всего десять. Не совестно тебе? Сам-то слюнки подбери для начала!

— Ну конечно! – возразил Тан Фан, подавляя желание вытереть рот.

Эти двое настолько привыкли к поддразниваниям, что, если бы им пришлось целый день не подшучивать друг над другом, они почувствовали бы себя не в своей тарелке.

После непродолжительной перепалки А Дун спросила:

— Братец, куда братец Суй уперся? Сегодня же выходной, почему он опять занят? В последнее время он всегда уходит рано, возвращается поздно. В Северном Дворе действительно так много дел?

Тан Фан лишь покачал головой. Он не знал ответа. После слов А Дун он тоже осознал, что очень редко видит Суй Джоу. Однако Северный Двор был не Министерством Наказаний. Из-за занимаемого ими положения Суй Джоу и остальным частенько приходилось выполнять множество секретных поручений, о которых распространяться не следовало. Хотя у них и были достаточно близкие отношения, Тан Фан никогда бы не стал расспрашивать его.

Вспомнишь солнце – вот и лучик. Стоило А Дун закончить свою жалобную речь, как на пороге появилась фигура Суй Джоу.

— Братец, ты вернулся! – А Дун тотчас подскочила и бросилась к нему на встречу.

Заметив, что тот не облачен в форму Императорской Стражи, Тан Фан спросил:

— Ты ходил домой навестить родителей?

Жизнь Суй Джоу была весьма однообразна. Если он не ездил по делам в другую провинцию и не сидел в Северном Дворе, он шел домой или изредка навещал свою семью. Вот почему Тан Фан пришел к такому выводу.

Однако Суй Джоу отрицательно покачал головой:

— В Хэнани кое-что произошло!

Послесловие автора:

Слова и мысли господина Тана отражают особенности мировоззрения людей того времени. Это нормально, потому что он все-таки человек своей эпохи. Это не значит, что автор думает так же, оки ~

Примечания переводчика:

Пропадала на столь долгое время из-за болезни и работы, сори~

4 том завершен, ура) Последние главы дались мне очень тяжело, поскольку они были большими (7-8К иероглифов) и переполненными всякими сложными терминами... Но в следующем томе главы будут и побольше (одна вообще почти 11К...), но надеюсь, мы выживем.

Следующий том будет называться «Дело древних гробниц реки Луо», и в нем наконец произойдет кое-что очень двигательное в плане отношений глав. парочки. Надеюсь, я вас заинтриговала)

Тан Фан, конечно, страшный человек, такой хитрый! Спланировал все заранее, и выступления Инь Юаньхуа ему были только на руку... Я в шоке до сих пор ахахаха

Суй Джоу, который ради того, чтобы порадовать этих двух обжор, учился у бабушки готовить хрустальное мясо... почему он такой милый? :D

<http://tl.rulate.ru/book/50212/1731436>